

Потехи и потешные московских царей

Коломенские «потехи» Ивана Грозного в 1546 г.: новые штрихи к портрету юного великого князя

Алексей Мазуров

Kolomna «fun» of Ivan the Terrible in 1546: some new strokes to the portrait of the young Grand Duke

Aleksey Mazurov

(State Social and Humanitarian University, Kolomna, Russia)

Фигура Ивана Грозного и его эпоха всегда привлекали пристальное внимание исследователей. Ей посвящено большое количество научных работ. Вместе с тем в биографии Ивана IV всё ещё имеются отдельные «белые пятна», спорные и не проясненные вопросы.

В Пискаревском летописце имеется уникальное известие за 1546 г.: «В сем летописце прописано в летех 54: поход на Коломну великого князя Ивана по крымским вестем. Прииде князь велики на Коломну, и прииде весть, што царь крымской воротился от украины. И князь велики стоял на Коломне в Голутвине монастыре, а полки по обе стороны реки. И тут была у него потеха: пашню пахал вешнюю и з бояры и сеял гречиху, и иныя потехи: на ходулах ходил и в саван наряжался. И тут (по) грехом христианским туто же учинилася казнь, а казнил дву Воронцовых, Феодора да Василия, да князя Ивана Кубенского по наносу злых людей»¹. В основном тексте летописца уже имелся рассказ о событиях 1546 г.² Процитированная летописная запись находится явно не на месте (выбивается из строгой последовательности по годам). Она помещена после статьи 7068 (1559/60) (в которой сообщается о смерти царицы Анастасии и женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне в следующем 7069 г.), и перед известиями того же 7068 г. о завершении строительства Покровского собора на рву в Москве (причём на освящении присутствовала царица Анастасия, о смерти которой говорилось ранее). Затем следует сообщение 7063 г. о битве при Судьбищах Ивана Большого Шереметьева с крымскими татарами, а далее повествуется о видении князя Юрия Васильевича и Полоцком взятии 7061 г. Как показал С.А. Морозов, предваряемые пометой «в сем летописце прописано» известия (за 7042—7047, 7054, 7093—7094 гг.) принадлежат особому оригинальному источнику Пискаревского летописца³.

© 2018 г. А.Б. Мазуров

¹ ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 189.

² Там же. С. 180.

³ Морозов С.А. К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 69—74.

События 1546 г. описаны как в летописании⁴, так и в разрядных книгах⁵. Весной в Москву поступили известия о готовящемся нашествии крымского хана на Русское государство. В апреле, по данным разрядных книг, в Коломну выдвинулась армия, к которой впервые решил присоединиться великий князь Иван Васильевич. Масштабы мероприятия были действительно велики. Помимо участия традиционных пяти полков (из разрядных книг известна дислокация только полка правой руки — он стоял в Кашире), отдельные боевые единицы направились к Николе Зарзскому (современный Зарайск), в Тулу, Рязань и Калугу.

Характерно, что государь предварил выход в Коломну богомолем в Николо-Угрешском монастыре. 6 мая на судах великий князь двинулся из Москвы. Его сопровождали младший брат Юрий Васильевич и двоюродный брат Владимир Андреевич Старицкий. Не приходится сомневаться, что правитель собирался попасть на всенощное бдение вечером 8 мая и литургию 9 мая в сам праздник перенесения мощей свт. Николая Чудотворца в Бари. Лишь после этого он двинулся в Коломну. Едва ли путь мог занять более 2 суток⁶. Предположительно вечером 11 мая Иван Грозный уже прибыл в Коломну. Несмотря на то что в Коломенском кремле имелся обширный великокняжеский дворец⁷, он расположился особым станом со своим двором («полком»). Согласно одним источникам, стоял он в Голутвине, а по другим — под Голутвиным. Голутвин — краткое название Богоявленского Старо-Голутвина монастыря, основанного в самом конце 1385 — начале 1386 гг. неподалеку от впадения Москвы-реки в Оку (его местоположение в XVI в. описывалось так: «за посадом у Оки реки усть реки Москвы»). Судя по писцовому описанию 1577/78 гг. в обители, помимо келий и хозяйственных построек, находились две каменные церкви: белокаменная Богоявленская (конца XIV в.) и кирпичная Сергиевская с трапезной на подклетах (предположительно второй половины XV в.)⁸. Вплоть до 1763 г. монастырь, площадь которого в XVI в. едва ли превышала 1 га, был огорожен деревянным частоколом или заплотом⁹. Указание источников на «свои шатры» у великого князя позволяет думать, что Иван Васильевич разместился под стенами обители, близ берега Москвы-реки (поскольку нескольким сотням или даже тысяч конных воинов постоянно требовалась в больших количествах вода для приготовления пищи и поения лошадей).

Выезд верховного главнокомандующего в размещённую на рубеже обороны армию укладывался в важную для правителя традицию богомолий (фиксируется с 1544 г.) в чтимые обители. Голутвин монастырь был основан прп. Сергием Радонежским. В XVI в. там находились связанные с ним реликвии: «крест синалойный Сергия чудотворца положенья», «ризы Сергия чудотворца комка белая

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 149; Т. XX. М., 2004. С. 467; Т. XXIX. М., 1965 (2009). С. 48, 147; Т. XXXIV. М., 1978. С. 180.

⁵ Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 121–122; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 109–110; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977. С. 317–319.

⁶ Адам Олеарий летом 1636 г. путь на судах от Москвы преодолел именно за такой период (выехал вечером 30 июня, а вечером 2 июля уже был в Коломне). См.: Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 351–352.

⁷ Описание см.: Извлечение из приправочного списка с писцовой книги г. Коломны и Коломенского уезда Д.П. Житова и Ф. Камынина 1577/78 г.: г. Коломна // Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 14–20. Возможная реконструкция: Милославский М.Г. К вопросу о реконструкции дворца Ивана Грозного в Коломне // Архитектурное наследство. № 14. М., 1962. С. 211–212.

⁸ Извлечение из приправочного списка... С. 63–64.

⁹ Памятники архитектуры Московской области. Вып. 3. М., 1999. С. 22–26.

куфтерь, ветхи, опличья шиты золотом и серебром на отласе», а также его дубовый посох¹⁰. В писцовой книге Коломны 1577/78 гг. упомянуты вклады государя и великого князя: он приложил золотой к храмовому образу Богоявления и устроил большую поставную свечу перед ним¹¹. Не исключено, что эти пожертвования сделаны в 1546 г.

Историков эпизод «стояния на Коломне» интересовал в связи с выступлением новгородских пищальников и связанными с ним казнью и опалой представителей политической элиты того времени¹². Незадолго до 21 июля новгородские пищальники попытались «бить челом» Ивану Грозному, но тот приказал их отослать от себя. Настойчивые просьбы челобитчиков привели к тому, что дворяне силой стали гнать просителей. Всё завершилось боевым столкновением с 5–6 убитыми с каждой стороны. Государь, заподозривший, что за новгородцами стояли высокопоставленные «организаторы», поручил расследовать инцидент своему ближнему дьяку Василию Захарову Гнильевскому. В итоге три боярина (князь Иван Иванович Кубенский, Фёдор и Василий Воронцовы) были казнены, ещё один (конюший Иван Петрович Фёдоров) оказался в заключении в Белоозере, а сородич казнённых Иван Воронцов «не одинажды был на Коломне на пытке». Трагические события случились 21 июля, «у своего стану перед своими шатры». При этом к приговорённым к смерти, по свидетельству Постниковского летописца, не были допущены даже духовники для исповеди¹³. Всё это знаменовало устранение от власти прежней политической группировки Воронцовых и возвышение сородичей государя — его дядьев по матери братьев Глинских. Нельзя исключать, что выступление новгородских пищальников было использовано последними для устранения конкурентов¹⁴.

В меньшей степени исследователей интересовало сообщение Пискаревского летописца о «потехах» государя. Его определяли как любопытное¹⁵. Впервые смысл действий Ивана Васильевича попытался уловить С.О. Шмидт. Он понимал их (и небезосновательно, как увидим ниже) как участие в «народных игрищах полуязыческого происхождения»¹⁶. Очень глубокие языческие корни увидел в коломенских потехах Б.А. Рыбаков. Он вписал их в закликательные и оберегательные общественные обряды, исполнявшиеся древними вождями

¹⁰ Извлечение из приправочного списка... С. 66, 71; *Миллер Г.Ф.* Описание городов Московской провинции. 1. Езда в Коломну (в 1778 г.) // *Миллер Г.Ф.* Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 229.

¹¹ Извлечение из приправочного списка... С. 64.

¹² *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 261–263; *Альшиц Д.Н.* Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // Труды отдела рукописей ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Т. 1(4). Л., 1957. С. 132–133; *Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 108–112; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России XVI в. М., 1960. С. 268–271; *Шмидт С.О.* Царственная книга об опале бояр летом 1546 г. // *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 239–255; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 19–21.

¹³ ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 27.

¹⁴ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 112.

¹⁵ Там же. С. 108, примеч. 26.

¹⁶ *Шмидт С.О.* Заметки о языке посланий Ивана Грозного // Труды отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. 14. М.; Л., 1958. С. 260–261. Исследователь ссылался на слова кн. Андрея Курбского, который писал об «излишних играх презлых советников... о которых говорить срамно». Примером таковых, по С.О. Шмидту, были забавы в Коломне 1546 г.

и царями. Широкими мазками рисуя русалии XI–XIII вв., в действиях Ивана Грозного исследователь увидел «целый комплекс весенних заклинательных действий». Поздним их отголоском и стало свидетельство Пискарьевского летописца. В них Иван Васильевич действовал как старейший по рангу. Хождение на ходулях было способом воздействовать на высоту (рост) посеянных злаков. Одевание в саван приобщало участников обряда к миру предков-покровителей (что часто происходило весной на Радоницу), лежащих в земле и помогающих её плодородию. Рыбаков считал описание действий Ивана IV аргументом для утверждения об участии в более древние времена древнерусских княгинь и боярынь в русалиях¹⁷. З.И. Власова увидела в событиях 1546 г. «правила аграрно-магического весеннего комплекса... соблюдавшиеся, видимо, по традиции». Сев начинал старший в роде по годам или положению. Юный правитель воспринимал участие в нём как веселье-потеху. Однако его присутствие в обрядовом начале сева импонировало окружающим как проявление уважения к обычаям предков¹⁸. Б.А. Успенский впервые сопоставил одевание в саван со святочной игрой в покойника, когда имитируется мёртвый¹⁹.

Б.Н. Флоря вписал коломенские потехи в общую череду увеселений юного монарха, небезопасных для подданных. Иван Васильевич со своими наперсниками «по стогнам и торжищам начал на конех... ездити и всенародных человек, мужей и жен бити и грабити». Молодой государь, по словам исследователя, «был человеком не равнодушным к женской красоте и склонным проводить время в весёлой кампании скоморохов; для него характерны были приступы гнева и склонность к злой насмешке». В окружении князя находились люди, занимающиеся «содомским грехом». По воспоминаниям кн. А.М. Курбского, где-то в середине 1540-х гг. Грозный приказал убить его сверстника-подростка 15-летнего князя Михаила Богдановича Трубецкого. За «невежливое слово» по личному приказу монарха «урезали язык» его молодому приближённому Афанасию Бутурлину. Комментируя летописное указание о «наряжении в саван» Ивана Васильевича, Б.Н. Флоря вслед за Б.А. Успенским указал на аналогию — «игру в покойника», описания которой сохранились в записях XIX в²⁰.

В своих последних работах об Иване Грозном Р.Г. Скрынников учёл достижения коллег и предложил оригинальную, но от этого не менее спорную трактовку событий конца весны — лета 1546 г. С его точки зрения, бояре возмущались бесчинными «потехами» великого князя. Окрестные крестьяне начали пахать, и от них государь и бояре заполучили лошадей и сохи для пахоты. В этих пока ещё невинных играх бояре участвовали «скрепя сердце». На ходулях Иван Васильевич ходил один (боярам это было не к лицу), а игрища с саваном и покойником вызвали у старых бояр раздражение и гнев. Якобы кн. И.И. Кубенский не стерпел бесчинств и попытался урезонить своего племянника, что и привело

¹⁷ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 737–738. Впервые эти мысли высказаны в статье: Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 27.

¹⁸ Власова З.И. Скоморохи и фольклор. СПб., 2001. С. 430.

¹⁹ Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 201–235, примеч. 43; Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 106–107, примеч. 44.

²⁰ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 18, 19 и примеч.

к вспышке монаршего гнева и последующим казням²¹. Произвольность подобных трактовок очевидна — ведь источники не позволяют связать «потехи» с выступлением новгородских пищальников и последующими казнями.

В целом историография пока ещё не дала полного и убедительного ответа на трактовку потех 1546 г. Особенно подозрительно выглядит стремление чрезмерно архаизировать поведение Ивана IV. Вообще же сообщение о том, что великий князь пахал пашню, сеял с боярами гречиху и наряжался в саван вызывают массу вопросов. Их диапазон может быть весьма велик — от предположения о том, что в них отразились какие-то смутные и не совсем верные предания, до полного отрицания самих фактов. В самом деле, а возможно ли это в принципе? Сообщение Пискарьевского летописца явно заслуживает более подробного рассмотрения, поскольку добавляет ценные штрихи к портрету юного государя. Ключом к пониманию этой уникальной информации станут этнографические аналогии.

Пахота весенней пашни государя с боярами и сев гречихи. Само по себе это указание более чем удивительно. Крестьянский труд (причём труд тяжёлый) был делом смердов, политическая элита к нему не имела никакого отношения. Ко второй половине XV — середине XVI в. прежние резко негативные коннотации, связанные с людьми, занятыми в аграрной сфере и находящимися на самом низу социальной лестницы, несколько смягчились. Однако не приходится сомневаться, что верхи общества отделяла от основной массы сельских тружеников непроходимая пропасть. Классический пример — обращение Василия III к своему думному дворянину И.Н. Берсеню-Беклемешеву: «Поиди еси вон, смерд! Не надобен мне еси!»²². Необычайная резкость обращения к уважаемому самим Иваном III придворному, пользовавшемуся большим влиянием при дворе и в Боярской думе, здесь состоит не только в самом факте опалы. Оно оскорбительно и унизительно именно потому, что именование И.Н. Берсеня-Беклемешева смердом означало словесное низвержение на самый низ общественной пирамиды. Позднее в своих посланиях Иван Грозный не раз издевательски уподоблял своих корреспондентов «страдникам» (чаще всего этот термин означал зависимых людей, работающих в барском хозяйстве)²³, для него это было самой нижней планкой общественного положения.

Как же понять снисхождение государя и бояр к крестьянскому труду? Состояло ли дело только в возможном «озорстве» и бесчинстве Ивана Грозного и его приближённых и стремлении в буквальном смысле «перевернуть» мир? Великий князь и верховный главнокомандующий вдруг по собственному желанию превращается в «смерда»? Думается, что дело тут значительно сложнее. Для выяснения достоверности свидетельства Пискарьевского летописца прежде всего стоит разобраться с датами. Иван Васильевич приехал в Коломну после праздника Николы Вешнего. К этой дате основные полевые работы стремились завершить. Так, по северно-русским представлениям, отсеяться необходимо было до Николина дня, после чего сев становился невозможным. Однако летописная подсказка о том, что пахали перед севом гречихи позволяет утверждать, что вешняя пашня в исполнении Ивана Грозного — реальность. Согласно этнографическим данным, сев гречихи в центральных губерниях России в XVIII—XIX вв. был приурочен к промежутку от дня памяти св. Лукерьи (13 мая)

²¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный М., 2001. С. 29.

²² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. Т. 1. СПб., 1836. № 172. С. 143.

²³ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 184.

до дня св. Акилины Гречишницы (13 июня)²⁴. В рамках этого периода и могла быть устроена великокняжеская пахота под посев гречихи.

Обладающая ценнейшими пищевыми качествами гречиха, которая в народной традиции была воплощением благосостояния и изобилия, играла важную роль в чередовании сельскохозяйственных культур. Крестьяне знали, «что от ней земля смягчается и так сдабривается, что после её без вспашки рожь сеется». По наблюдениям, «всякой хлеб после гречи обилен и чист родится»²⁵. В русской традиции гречиху называли «осударыней, барыней»²⁶, основой чего являлась её чувствительность к заморозкам, дождям, суховеям и другим неблагоприятным погодным условиям.

Попробуем найти рационалистические объяснения того, как великий князь мог превратиться в земледельца и пахаря. Здесь необходим топографический комментарий. В округе Старо-Голутвина монастыря, судя по межевым планам XVIII столетия, находились земли самой обители (в частности, на стрелке Москвы-реки и Оки — сенные покосы). Все земли по приустьевой части Москвы-реки принадлежали монастырским владениям села Парфентьево, деревни Пестриково (по левому берегу) и сельца Бочманово (по правому)²⁷. Стан с шатрами великого князя должен был располагаться на землях сельца Бочманово. В угодьях последнего числилось «пашни средней земли 53 чети, да перелогу 88 четей в поле, а в дву по тому ж», сена у монастыря по реке Оке и Москве ставилось 400 копен²⁸. Именно крестьяне этого селения, как полагаем, обратились к скучающему Ивану Васильевичу с просьбой возглавить пахоту и сев. «Государыню-боярыню» гречиху могли сеять под Коломной совершенно реальные государь всея Руси и его бояре.

Пахота и сев как начальный этап полевых работ была насыщена ритуально-магическими действиями, основной направленностью которых стало обеспечение плодородия и защиты посевов от всякого рода неблагоприятных воздействий. Ведь они определяли успех всего земледельческого цикла. Одним из требований дня пахоты и сева была ритуальная чистота пахаря. Его качества могли «перейти» на семя и урожай. Категорически запрещалось участвовать в севе обладателям «дурного глаза» и «несчастливой руки». Как отмечал классик восточнославянской этнографии Д.К. Зеленин, начало сева (засевки) «зачастую носит не семейный, а общественный характер»²⁹. В России (как и в некоторых других регионах славянского мира) считали, что первый человек, вспахавший поле в селе, должен быть уважаемым и достойным, поскольку его качества «переносились» на все сельские угодья. Сельская община у русских также проводила обряд «наречения» — избрания, назначения и благословения первого пахаря на начало пахоты и сева³⁰. Традиционно предъявляемые критерии к сеятелю также весьма

²⁴ Усачева В.В. Гречиха // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 546–548; Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 361.

²⁵ Громыко М.М. Мир русской деревни. С. 19.

²⁶ Усачева В.В. Гречиха. С. 547.

²⁷ Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Т. II. М., 2004. № 54, 100, 334, 374. Карта № 9.

²⁸ Писцовая книга г. Коломны и уезда 1577/78 гг. // Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. С. 390.

²⁹ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 55.

³⁰ Узенева Е.С. Пахота // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 652, 654; Кузнецов С.В. Религиозно-этические взгляды крестьян на землю и труд // Русские. Сер. Народы и культуры. М., 1997. С. 195.

интересны. Многовековая крестьянская психология осознавала сев как священный акт. Сеять должен был мужчина, хозяин. Исходные требования к сеятелю могли меняться (его поручали, например, старику, мальчику или «божьему человеку» — священнику), но в основе своей они были едины. Успех сева и будущий урожай зависели от «невинности» и личных качеств его исполнителя. Часто желали, чтобы это был человек молодой и здоровый, обладавший социальной полноценностью и высоким личным статусом, удачливый, счастливый, с легкой рукой. Должность первого засевалящика на селе или семье была почётной. На неё выбирали голосованием или жребием³¹. Иван Васильевич как нельзя лучше подходил на эту роль. Ведь он был молод, здоров и силен (рост его в момент смерти составлял 1,78—1,79 м,³² что было заметно выше средних показателей) и обладал самым высоким на Руси социальным статусом.

Сам сев сопровождался множеством предписаний. Среди них была обязательная молитва. Сеять следовало непременно натошак, чтобы расположить к себе духов плодородия, идти по пашне босиком, без шапки и пояса, чтобы не задерживать рост семян. Иногда предъявлялось требование к нагоде сеятеля, которая имела особое «оплодотворяющее» значение. Резюмируя вышесказанное, можно предположить (и это единственное рациональное объяснение), что великий князь Иван Васильевич получил предложение от местных крестьян возглавить пахоту и сев гречихи. К этой совершенно невероятной забаве он отнёсся с вниманием и привлёк к делу бояр из своего окружения — как лиц, обладавших также высоким социальным статусом. В разрядных книгах поименованы бояре — участники похода 1546 г. на Коломну. Пахали и сеяли вместе с правителем те, кто позднее пострадали после выступления новгородских пищальников: конюший (одна из главнейших должностей в Боярской думе) Иван Петрович Фёдоров, знатнейший по положению князь Иван Иванович Кубенский, Фёдор Семёнович и Василий Михайлович Воронцовы. К ним надо добавить бояр из росписи похода 1546 г.: сородича последних Ивана Семёновича Воронцова, кн. А.Д. Ростовского, кн. В.М. Щенятева, кн. Ю.М. Булгакова-Голицына. Итак, государю помогали в «потехе» не менее восьми бояр. Остаётся, конечно, вопрос о наличии (а скорее, полном отсутствии) практических земледельческих навыков у перечисленных «пахарей и сеятелей». Сев гречихи требовал особенной сноровки. Её старались рассеять как можно реже, чтобы она лучше кустилась и давала больше побегов³³. При этом погрешности сева рассматривались как дурное предзнаменование. Было поверье, что если при всходе зерна в поле обнаружится «обсевок» (пустое пространство), обязательно будет покойник — умрёт хозяин³⁴. Впрочем, гораздо обоснованнее думать, что великий князь с боярами лишь ритуально начинали пахоту и сев.

Хожение на ходулях. Ходули — одна из традиционных и распространённых русских забав. С ними выступали, например, скоморохи. Хожение на ходулях было обязательной принадлежностью увеселений северной русской деревни

³¹ Узенева Е.С. Сев // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2009. С. 604, 605.

³² Герасимов М.М. Документальный портрет Ивана Грозного // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 100. М., 1965. С. 139—142. К этому можно добавить свидетельства венецианского посла Марко Фабрициуса («красив собою», Ивану Васильевичу было тогда 27 лет) и посла Священной Римской империи Даниила Принца о 45—47-летнем царе («он очень высокого роста. Тело имеет полное силы и довольно крепкое»).

³³ Громыко М.М. Мир русской деревни. С. 35.

³⁴ Узенева Е.С. Сев. С. 605.

в весеннем праздничном цикле³⁵. На ходулях просто ходили, соревновались в беге или переходе через грязное место. Таким образом, указание на хождение на ходулях Ивана Грозного содержит намёк на какое-то празднование. О чём же может идти речь? Этнографам известен бытовавший в XVIII–XIX вв. праздник сева гречихи — гречишница. Он начинался молением о добром урожае к святой мученице Акилине, на день памяти которой приходился (13 июня по старому стилю). Как отмечал Д.К. Зеленин, «начало и окончание пахоты и сева... сопровождается обильной праздничной трапезой для всей семьи, что должно магически обеспечить богатый урожай»³⁶. Во многих центральных русских губерниях (в том числе Рязанской, на границе с которой располагалась Коломна с округой, некогда входившая в Рязанское княжество) в этот день варили кашу из «осталой» (т.е. оставшейся от предыдущего урожая) гречи и угощали ею всех странников. М.М. Громыко приводит традиционные благопожелания праздника гречишницы. Так, в ответ на угощение прохожий благодарил и желал, чтобы на полях «у православных родилось гречи больше и больше: ибо без хлеба и без каши ни во что и труды наши!» Нищие под окнами речитативом исполняли стихи: «Крупеничка, красная девица! Кормилка ты наша, радость-сердце! Цвети, выцветай ты, молодейся, мудрей, курчавей завивайся, будь доброй всем людям на угоду!»³⁷. Праздничные увеселения, в которые могло быть включено и хождение на ходулях, имели важное продуцирующее значение. Они не только фиксировали окончание всех весенних полевых работ, но и должны были магически обеспечить хороший урожай в будущем.

Таким образом, выстраивается внутренне непротиворечивая цепочка обрядово-магических действий, в которых принял личное участие великий князь со своими боярами. Это ритуальная пахота и сев гречихи с последующим участием в общинном празднике гречишницы.

Ображение в саван. Саваном называется ритуальный предмет, которым окутывают покойника перед погребением. В похоронной обрядности он маркирует переходное состояние человека и его тела. Чаще всего это похожая на мешок белая домотканая рубаха, закрывающая также и голову покойного³⁸. Поскольку Ивану Грозному предстояло прожить ещё долгую жизнь, правомерно лишь одно предположение — великий князь принял участие в игре, имитирующей похоронный обряд. В восточнославянской этнографии известна сохранявшаяся до 1930–1950-х гг. игра в «умруна», «смерть», «мертвеца» или в «покойника» (всё это разные названия одного действия). Как отмечают исследователи, она была весьма широко распространена. «Во всех описаниях святочных игр поражает обязательное присутствие ряженого покойником». Проблемой является то обстоятельство, что кощунственная игра обычно в XIX — первой половине XX в. приурочивалась к периоду Святки, в то время как в Пискаревском летописце описывается весенне-летнее время. Современные учёные считают, что маска покойника или ряженный покойником «появляются только в Святки, в другое время года “ряжение покойником”, видимо, не допускалось (чтобы не оказать неблагоприятного воздействия на “живущих” и “плодущих”)»³⁹. Однако перед нами

³⁵ Фролова А.В. Праздники русских Архангельского Севера в XX — начале XXI века (традиции и инновации). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 17.

³⁶ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. С. 55.

³⁷ Громыко М.М. Мир русской деревни. С. 361.

³⁸ Плотникова А.А. Саван // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4. С. 526.

³⁹ Тульцева Л.А. Календарные праздники и обряды // Русские. С. 624.

другая реальность — игра в покойника разыгрывалась в XVI в. в конце весны или летом. Возможно, к XIX в., когда она была зафиксирована, произошли какие-то подвижки и игра в покойника локализовалась лишь на святочной неделе. Что же она из себя представляла по описаниям этнографов?

Игра в покойника имитировала погребальный обряд⁴⁰. Роль покойника исполнял кто-то из участников посиделок. Это мог быть простой парень или мужик. В Торопецком районе Калининской обл. в 1930–1950-х гг. им мог быть любой. Покойника обряжали в саван и всё белое, натирали лицо для отбеливания овсяной мукой, клали в гроб (или на скамейку). Иногда «покойника» связывали веревками. Делали имитацию страшных зубов из брюквы, картошки или тыквенных семечек. На обряд насильно сгоняли девушек, находящихся «на выданье». Обязательным участником действия становился переодетый в женщину парень, изображавший «жену покойника» и ряженный «священник», одеяние которого пародировало иерейские облачения, а также «дьячок» с косицей. Гроб в сопровождении толпы родственников и «священников» вносили в избу. Действо начиналось с причитания «жены» (в руках у неё было лукошко с замерзшим/высохшим конским пометом, которым она должна была наделить каждого участника для поминания), затем «священник» начинал пародию на отпевание. Это был первый этап игры. В руках у него был башмак/лапот/рукомойник или горшок на веревке с тлеющей ветошью/мхом и сухим куриным пометом (всё это обозначало кадило). «Поп» описывал умершего как пьяницу, который пропадал в кабаке, вечно бранил жену, мало ходил в церковь, курил трубку и теперь должен попасть к чертям в пекло, где его будут бить железными вилами. (Разумеется, для 1546 г. такие реалии как кабак и курение трубки невозможны). Всё это сопровождалось неумеренным употреблением обсценной лексики, рифмующейся с переделанными или реальными фрагментами чина отпевания. На втором этапе игры («прощание») участвовавшие в нём девушки, испытывавшие страх и отвращение, по принуждению (их насильно волокли или хлестали веревочными жгутами) должны были поцеловать в набитый фальшивыми зубами страшный рот «покойника» и дотронуться/подержаться (или даже поцеловать) до его гениталий. Завершался обряд по-разному. Вся процессия уходила хоронить «мертвеца» с последующей пародией на «поминки». В одних вариантах к завершению отпевания двое парней пытались сбросить «покойника» на пол, тот увёртывался от них и убегал⁴¹. Оживший «покойник» мог бросаться на девок. В других традициях «покойника» к ужасу односельчан носили по домам и спрашивали хозяев, не их ли это предок или сородич.

Характерной чертой «покойницких» игр являлись мужской и женский травестизм (перемена пола, маркируемая переодеванием), а также ярко выраженный эротический компонент, когда скоморошья, пародийная форма позволяла переступать черты недозволенного в обычной жизни, допуская непристойные шутки, жесты и действия. Тем не менее раскодировка исходных интенций игр в «покойника» связана с мотивами плодородия (оживление покойника, внимание к оплодотворяющим способностям), брака и свадьбы. Неумеренное использование обсценной лексики должно было раскрепостить спящие силы и дать жизнь новому.

⁴⁰ Описания см.: *Максимов С.В.* Неведомая, нечистая и крестная сила. СПб., 1903. С. 300–301; *Гусев В.Е.* От обряда к народному театру (эволюция святочных игр в покойника) // *Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор.* М., 1974. С. 50; *Русский эротический фольклор.* М., 1995. С. 197–198, 211–213.

⁴¹ *Левкиевская Е.Е.* Игры при покойнике // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь.* Т. 2. М., 1999. С. 386–387.

Отсюда не кажется совсем невозможной и игра в «покойника» в весенний период после пахоты и сева с участием в качестве исполнителя главной роли Ивана Грозного. Важно отметить, что сам государь находился уже в брачном возрасте (примерно через полгода начался поиск невесты для монарха, а венчался он с Анастасией Романовой 3 февраля 1547 г.). Указанные игры проверяли в том числе и готовность молодёжи к брачным отношениям. Не исключено, что идею этой сомнительной игры поддержали и бояре, заинтересованные, чтобы государь «остепенился» и женился. Конечно, игра носила несомненно циничный и в значительной мере кощунственный характер. Ведь правитель ехал в поход в стоящую на рубеже обороны армию. Способом осуществления этого похода было паломничество (Николо-Угрешский — Голутвин монастыри). Следует помнить, что все описанные действия совершались в непосредственной близости от обители, основанной преподобным Сергием Радонежским. Впрочем, восприятие описанных нами событий, несомненно, отличалось от понимания таких игр современниками. В XIX — первой половине XX вв., судя по этнографическим данным, это была вполне естественная часть традиции. Тем более это относится к середине XVI в. Вполне можно согласиться с наблюдением В.М. Живова об органическом смешении в сознании средневекового русского человека (и Ивана Грозного в том числе) православного благочестия и нечестивых языческих обрядов. Последние в человеческом сознании были явно десемантизированы и потому воспринимались отнюдь не противоречащими христианству. Поэтому любой «нормальный... член... средневекового общества двоеверцем себя не признавал»⁴².

Итак, анализ уникальных известий Пискаревского летописца о «потехах» Ивана Грозного позволяет реконструировать во многом уникальную картину погружённости монарха в круг традиционной русской аграрной обрядности. Считаю недостаточно убедительными их интерпретации, связанные с чрезмерной (можно даже сказать, предельной) архаизацией и возведением к осознанным языческим действиям. На мой взгляд, эти «потехи» достаточно убедительно расшифровываются исходя из этнографических великорусских аналогий. Великий князь принял участие в ритуале начала пахоты и сева гречихи. Он веселился, ходя на ходулях, на празднике «гречишница». Под завершение монарх сыграл главную роль в игре «в покойника».

Перед нами открывается неожиданно сложная картина. Как оценить полученные новые данные в контексте личной биографии Ивана Грозного? С одной стороны, он объективно выступал в событиях мая—июня 1546 г. как лидер местного мира — крестьянской общины. Монарх проявил удивительное единение с народом, погрузившись в стихию «низовых» крестьянских традиций. Нет никаких сомнений, что это произвело значительное впечатление на местное сообщество. С другой стороны, для Ивана Васильевича это был первый документированный в источниках опыт лицедейства и перевоплощения, которые так ярко проявились в политике и литературном творчестве на следующих этапах его биографии. В пахоте и севе великий князь явился крестьянином, в хождении на ходулях он уподобился скomorохам, в обряде в саван — стал «мертвецом». Существенно важно, что в игре в «покойника» государь впервые в своей жизни пережил реальный опыт столкновения с инфернальными сторонами бытия. Наконец, нельзя не признать, что новые факты вполне органично вписываются в ту картину жизни юного монарха, какой она была примерно с 1543 г. до знакомства со священником Благовещенского собора Московского Кремля Сильвестром весной 1548 г.

⁴² Живов В.М. Двоеверие и особый характер русской культурной истории // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 311.